

Ю. С. Обидина

Институт международных отношений и мировой истории (ИМОМИ)
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Исследовательский потенциал культурной политики в структуре дисциплинарных дискурсов

Исследования в области культурной политики существуют во многих контекстах, задают много векторов развития и используют широкий спектр исследовательских методологий из множества академических дискурсов. В статье рассматриваются исследовательские технологии и подходы, используемые в данном дисциплинарном поле. С этой целью на основе выявленных фактов представлены возможные пути реализации исследовательского потенциала. Обсуждается возможность появления академической дисциплины, в основе предметной области которой лежит синтез истории и историографии культурной политики; принципы и стратегии культурной политики; и отношения между культурной политикой и теорией культуры / культурологией.

Ключевые слова: культурная политика, дисциплинарность, междисциплинарность, исследовательский потенциал, теория и практика, дисциплинарный дискурс, теория культуры, философия культуры.

Yu. S. Obidina

Institute of International Relations and World History National Research Nizhny
Novgorod State University named by N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod

The Research Potential of Cultural Policy in the Structure of Disciplinary Discourses

Cultural policy research exists in many contexts, set many development vectors, and uses a wide range of research methodologies from a variety of academic discourses. To this end, based on the revealed facts, possible ways of realizing the research potential are presented. The possibility of the emergence of an academic discipline is discussed, the basis of the subject area of which is a synthesis of the history and historiography of cultural policy; principles and strategies of cultural policy; and the relationship between cultural policy and cultural theory / cultural studies.

Keywords: cultural policy, discipline, interdisciplinarity, research potential, theory and practice, disciplinary discourse, theory of culture, philosophy of culture.

Исследования культурной политики существуют во многих контекстах, актуализируют множество проблем и основываются на широком спектре исследовательских методологий из множества академических дискурсов. Но в этом разнообразии дискурсов сложно найти те фундаментальные основы, которые бы в большей степени объединяли исследования культурной политики в единое дисциплинарное поле, нежели провоцировали дальнейшую дифференциацию. В растущем количестве исследований, предлагающих идеи, гипотезы, умозаключения и комментарии, существует опасность потери тех смыслополагающих основ исследования культуры, которые задают вектор дисциплинарного развития. В относительно новой предметной области — культурной политике — все еще существует насущная необходимость определить свое дисциплинарное поле и свой академический / научный статус. При этом исследователям приходится отвечать, в первую очередь для себя, на вопрос об особенностях наличной ситуации и перспективах выстраивания дискурса. Дилемма следующая: выделение культурной политики в самостоятельную исследовательскую область — это потенциальная фрагментация и отсутствие единства или упущенная возможность? Для этого необходимо ответить на целый ряд вопросов: как культурно-политические исследования развиваются и как реагируют на различные и даже конкурирующие институциональные, социальные, политические и культурные потребности? Теряют ли исследователи возможность эффективно общаться между собой? И каковы, если таковые имеются, общие или частные вопросы исследования, методологии и критического анализа культурной политики? Является ли культурная политика частью развивающейся академической/научной дисциплины или исследователи культурной политики должны признать недостаточность общих предметных оснований и просто наслаждаться разнообразием исследований культуры в качестве «академических/научных туристов»? В этом нам видится несомненная актуальность заявленной проблемы.

Исследования культурной политики в последние годы находятся в фокусе внимания отечественных специалистов в области культуры. Исследования носят как теоретический [1, с. 14–25; 2, с. 50–58; 3; 4], так и прикладной характер [5, с. 4–13; 6, с. 44–86] и посвящены изучению стратегий культурной политики [9, с. 3–59], форм реализации культурной политики [8, с. 139–178], реализации культурной политики на разных уровнях [9] и т. д. Цель нашего исследования – проанализировать исследовательский потенциал культурной политики в структуре дисциплинарных дискурсов с позиций формирования дисциплинарного поля культурной политики как научной дисциплины.

Одной из проблем исследования культурной политики является разнообразие аудиторий, которым могут (и, возможно, должны) быть адресованы исследования культуры. Данная проблема решается в зависимости от ответа на вопрос о том, для кого и/или кем проводятся исследования в области культурной политики.

Аудитория, безусловно, отмечена как исключениями, так и включениями, и таким образом становится ценным инструментом для исследования параметров и амбиций, риторики и методологии предмета исследования: как таковая эта аудитория одновременно является прагматичным инструментом, что способствует заявлению об академической зрелости; а также своего рода метастудией предметной области. Именно аудитория позволяет понять, что мы знали до сих пор об этой многогранной области культурного производства и потребления. «Мы» этого утверждения проектирует более широкое сообщество, подразумевая не только академических ученых, но и «пока предполагаемую» аудиторию. В этом случае культурная политика коренится в дискурсах культурологии и политической экономии и предметом исследования является изучение и управление культурным обеспечением потенциальной аудитории, охватывающее искусство, СМИ, Интернет, спорт, а также городской ландшафт, инфраструктуру и т. д.

Такого рода подход предполагает дисциплинарность и академичность: цель находится внутри, а не вне академического сообщества. Потенциал культурной политики – производство «культурных граждан», и именно на этом уровне происходит взаимодействие с господствующей и так называемой контркультурной культурной политикой.

Таким образом, с одной стороны, можно выделить академически-гуманитарный лагерь игроков культурной политики, участвующих в дебатах об эстетике и вкусе, искусстве и культуре, политике и образовании. Такое применение программы культурологических исследований в отношении не только образовательной практики, но и государственной культурной политики является центральным в современных исследованиях в области культурной политики и, несомненно, оказывает влияние на подходы к исследованиям культуры [10].

В некоторой мере риторический контраст с подразумеваемыми областями применения и дисциплинарными решениями представляют культурологические исследования и методологии исторического и философского исследования, а также литературоведения и искусствоведения. Исторически и географически конкретные тематические исследования развернуты, чтобы проиллюстрировать исследование риторики дисциплины в той же мере, что и потенциал самой дисциплины: «Наши категории культуры были выбраны от-

части потому, что они являются областями, в которых существует исследовательская литература по культурной политике» [11, р. 3]. В данных исследованиях используется историографический подход к проблеме, который подразумевает историю как разработку, так и реализацию культурной политики в данной области, а также историю объяснений, обоснований и критических замечаний в отношении этой политики.

В данном ракурсе можно указать на возможность использования контркультурного потенциала культурных исследований и их риторики. Как считают британские исследователи культуры, для которых также актуален пересмотр «имперского» наследия, культурная политика «могла бы обеспечить радикальную реконтекстуализацию настоящего, поскольку наше понимание нас самих подвергается критической историзации через вопрос об условиях существования каждого утверждения». И далее: ...Знакомство с культурной политикой и вмешательство в нее — важная часть участия в культуре» [12, р. 34].

Здесь мы явно видим влияние идеи М. Фуко об осуществлении контроля власти через культуру и роли индивида и сообществ в нем [13, р. 5–22; 14]. И именно в связи с этим влиянием возникают два ключевых взаимосвязанных исследовательских вопроса: как культура формирует современные представления об управлении; и как культура управляется и регулируется.

Это знаменует собой еще один аспект изучения дискурсов в области культурной политики и их связь с теорией культуры и культурологией. Это также важнейшая часть повестки дня академических исследований, поскольку она связана с деятельностью академических институтов и их теоретическими и практическими задачами. Поэтому она не реагирует на правительственную или отраслевую повестку дня и является постоянным стимулом для исследовательской деятельности в этой области.

Важный аспект, который связывает этот, в общем-то гуманитарный в своей основе, подход с традицией прикладных исследований — собственно деятельность в сфере культурной политики. Как и научные исследования, и образовательный процесс, она не только исторически укоренена и концептуально устойчива, но и полностью оправдана в ее активном участии в разработке, а также анализе культурной политики. Именно при данном подходе можно реализовать большинство практических и философских проблем, присущих этой прикладной работе.

В то время как критические исследования в области культурной политики предполагают академическое потребление, информация о культурной политике указывает на различные виды участия. Это касается «прикладных» (или в терминах Адорно «адми-

нистративных») исследований культурной политики, а не «критических».

Введение в паспорт специальностей научных работников специальности «теория и истории культуры» в постсоветской России дало стимул для изучения путей, с помощью которых можно было бы способствовать новым формам управления в сфере культурной политики государства и, в частности, понять, каким образом академические исследования могут внести вклад в разработку стратегий государственной культурной политики в соответствии с современными понятиями «передачи знаний» [15, р. 70–81].

Исследование культурной политики традиционно начинается в академической традиции, которая исследует отношения между культурой и обществом, культурными формами и их выражениями и практиками, институциональными способами производства и распространения культуры. Академическая традиция, в основе которой лежит понимание и критика культурного производства и восприятия культурных ценностей, в большей или меньшей степени изучает и культурную политику, поскольку она наличествует в какой-то момент в цепочке производства — спроса.

В общих чертах складывается теоретическая парадигма, которая активизирует повестку дня в области культурологии и «обязывает» ее реализовывать реформистскую стратегию/ии и взаимодействовать с культурной политикой, но есть и другие, более прагматичные, влияния. Школа «культурной политики» на Западе, на которую сильно повлияла работа Т. Беннета, явно предлагает развертывание концепции государственного управления Фуко и сформировала новое (или по крайней мере обновила) понимание роли академического сообщества в осуществлении связей между интеллектуалами и государственными учреждениями в области культурной политики [16].

Имея в виду сложную практическую и теоретическую структуру, можно определить некоторые ключевые подходы — два прагматических и один более концептуальный — для поиска возможностей исследовательского потенциала культурной политики. Они заключаются в следующем: существует настоятельная необходимость в высококачественных исследованиях и надежных данных для создания четкой доказательной базы, которая будет положена в основу практической реализации культурной политики; теории и практики должны быть реалистичными в отношении экономики культуры и творческих индустрий; исследователи должны пересмотреть свое понимание «национального» в контексте современного глобализирующегося мира [17].

Связь культуры / образования / творчества является фундаментальной для практиков и теоретиков культуры, поскольку она

действует как на локальном, так и на глобальном уровне. Россия, все западные и большинство развивающихся стран играют определенную роль на мировой арене и одновременно передают часть полномочий субнациональным, региональным, местным органам власти и сообществам. В результате централизованное национальное государство учитывает влияние как наднациональных, так и субнациональных институтов: это сочетание глобализации и локализации часто называют неологизмом «глокализация». Можно утверждать, что и прагматические, и концептуальные подходы связаны с расширением прав и возможностей отдельных лиц и сообществ за счет монолитного национального государства.

В некоторых отношениях указанные прагматические подходы могут быть реализованы с помощью различного рода правительственных программ. Однако опасность таких подходов заключается в их потенциальной фрагментации и ограниченном взгляде на аудиторию (определяемую как правительственный контент или как культурный сектор). Осознание этой опасности — новый вызов для программ высшего образования. Потребность в доказательствах, лежащих в основе выработки стратегии культурной политики, и требования академического сообщества могут сформировать программу исследований в сфере культурной политики, но они не могут, к сожалению, составить ее полностью.

«Прикладные» исследования в сфере культурной политики должны представлять собой нечто большее, чем оправдание ожиданий и подтверждающие доказательства. «Прикладные исследования» могут способствовать важным концептуальным изменениям. Однако существует один элемент, который обуславливает закономерные сложности, состоящие в том, что прикладные исследования часто включены в определенный контекст.

Например, возрождение политического и этнического национализма в Европе и за ее пределами привело к тому, что историки, социологи, искусствоведы и критики культуры пересмотрели проблемы идентичности [18, с. 23–28; 19, с. 117–152]. Это привело к переосмыслению критических ортодоксий культурного империализма, колониализма, маргинализации и их бинарных оппозиций. Идеи наций как «воображаемых сообществ» [20] и идентичности в современных обществах имеют значительную распространенность при рассмотрении эволюции политики идентичности и ее влияния на исследовательский вокабуляр.

Создание новой модели управления в области культуры основывается на истории, традициях и институтах существующего общества. Но эти изменения и эти инновации также создают новые структуры, новые способы организации и новую культурную политику. И в социальном научном дискурсе, и в контексте гумани-

тарных наук появляется что-то новое в критической конструкции и понимании культурной политики. Важный вопрос может заключаться в том, влияет ли эта интеллектуальная и теоретическая перегрузка на политику и, в частности, на культурную политику?

В отношении стратегии и реализации культурной политики отправной точкой может стать переосмысление идеологической основы управления культурой. Новая инфраструктура культурной политики должна учитывать не только традиционные структуры общества, но также современные проблемы, ценности и идеологии. Это может потребовать фундаментального переосмысления роли культуры и роли культурной политики в обществе, переосмысления таких понятий, как «культурная идентичность», «гражданство» и «свобода самовыражения». Тип мышления, требуемый для реализации этих идей, может не так легко укладываться в контекст исследований, основанных на фактических и статистических данных и, тем не менее, они ставят фундаментальные вопросы о принципах обеспечения культурной политики, ее исторической обусловленности и теоретической концептуализации в ключевые строительные блоки программы исследований культурной политики.

Прикладные и дисциплинарные исследования позволяют укоренить принципы работы как в «прикладном», так и в «критическом» дискурсе. Такая саморефлексия не должна ограничиваться созданием нового исследовательского потенциала, а должна быть неотъемлемой частью общей исследовательской программы.

Исследования в области культурной политики могут стать частью новой и особенной научной дисциплины, которая будет основана на конкурирующих (и иногда противоречивых) аудиториях, целях и даже академических традициях — и, как таковая, может стать передовой рефлексивной исследовательской практикой, косвенно ставящей под сомнение прежнюю роль академической среды и ее вклад в теорию и практику культурной политики.

Эти исследования могут осуществляться в правительственных организациях, во вневедомственных органах, в академических и университетских сообществах различных видов. Они могут финансироваться из разных источников, и аудитория будет всегда различна — правительство (местное, муниципальное, региональное, национальное, транснациональное), деятели культуры, зрители, участники, ученые.

Однако в этом более широком контексте существует заинтересованность в экстраполяции программы исследований в области культурной политики, которая укоренена (если не ограничена) в академической среде. С этой целью можно предположить, что исследования в области культурной политики могут развиваться в трех взаимосвязанных областях:

- история и историография культурной политики;
- принципы и стратегии культурной политики;
- культурная политика и теория культуры / культурология.

Это широкие категории исторических, практико-ориентированных и теоретических исследований, которые находят отклик в гуманитарных и социальных науках и могут позволить исследованиям в области культурной политики развить свои собственные идеи, а также сформировать другие области исследований в каждой категории.

Важно отметить, что существенным препятствием для развития системных исследований в области культурной политики является трудность, присущая меж- или полидисциплинарному подходу. Если мы признаем, что исследования в области культурной политики выходят за рамки дисциплины — особенно в области искусства / гуманитарных и социальных наук — тогда мы столкнемся с новой практической и концептуальной задачей — определением предметного поля и методов/технологий исследования.

Анализируя современную литературу и размышляя о работе теоретиков и практиков, работающих в данной области, можно прийти к выводу, что ключевой задачей исследований в области культурной политики является согласование путей между прагматической, или «прикладной», программой исследований, которая занимается культурно-политическими исследованиями и вносит свой вклад в доказательную базу, и исследованием, которое является критическим, рефлексивным, и основано на современных теоретических парадигмах.

Это непрерывный процесс, в котором исследователи движутся в соответствии с исследовательскими вопросами, в решение которых они вовлечены. Важно отметить, что при реализации междисциплинарного подхода не складывается ситуация, когда исследовательские методологии социальных наук находились на одном краю исследовательской плоскости, а методологии искусства и гуманитарных наук — на другом. Спектр исследования упорядочен в теории первого положения и методологии второго. Принимая во внимание тот факт, что дискурс культурной политики существует в этом спектре, можно избежать оппозиции социальных и гуманитарных наук.

Исследование культурной политики не сводится к применению междисциплинарного подхода к инструментарию исследования, а касается размещения исследований культурной политики в теоретическом, а не методологическом поле. Это необходимо для того, чтобы вывести дискуссии по повестке дня исследований в области культурной политики за пределы непростого дискурса социальных и гуманитарных наук и перестроить их существующую междисци-

плинарность в актуальную, гибкую и надежную модель для исследований культурной политики, которая является достаточно самостоятельной, достаточно саморефлексивной и достаточно утилитарной. Действительно, такая контекстуализированная и потенциально общая исследовательская программа обязательно подразумевает условия согласованности академической и научной дисциплины с общими вопросами, методологиями и критическими практиками.

Кроме того, можно выделить некоторые общие положения, которые при умелом теоретизировании позволят избежать дробления и фрагментарности исследований в области культурной политики, и наоборот, представить их в рамках системного подхода:

- 1) исследования в области культурной политики занимаются политикой и могут быть и, возможно, должны быть политическими;
- 2) исследования культурной политики могут быть междисциплинарными и могут реализовывать партнерские отношения как внутри академического сообщества, так и вне его;
- 3) исследования в области культурной политики охватывают широкий круг аудитории: ученые в данной и смежных областях, учреждения культуры, правительственные учреждения (на всех уровнях), специалисты-практики, непосредственные реципиенты культурной политики;
- 4) исследования культурной политики в академической среде являются критическими и рефлексивными.

Безусловно, многие из факторов, влияющих на то, каким образом культурная политика должна развиваться как академическая и /или научная дисциплина, являются специфическими для страны / нации и не могут быть универсальными в своей основе, и это еще одна проблема для установления параметров и риторики потенциально разделяемой или общей программы культурно-политических исследований.

Таким образом, исследования в области культурной политики в структуре дисциплинарных дискурсов, не в последнюю очередь связанные с культурно-гуманистическими традициями, должны иметь отношение к политике и реализовывать прикладные задачи культурной политики, а также выдвигать требования, направленные на то, чтобы разработки были критическими, рефлексивными, оснащенными доказательной базой и внедренными в современные теоретические парадигмы. В этом случае дебаты выходят за пределы непростого мира социальных/гуманитарных дискурсов. Дискурс культурной политики должен быть направлен на понимание культурной политики государства и сочетать в себе участие в формулировании задач культурной политики и реализацию/саморефлексию культурной политики. Обращение к обеим сторо-

нам дихотомии «предложение — спрос» показывает, что культурно-политические проблемы, даже выраженные в традиционной терминологии, являются междисциплинарными. Изыскания, заполняющие лакуны и проблемные места в создании, реализации и интерпретации культурной политики, требуют междисциплинарных исследовательских подходов. Любая контекстуализированная и потенциально общая программа культурной политики обязательно подразумевает формат академической/научной дисциплины с общими вопросами, методологиями и критическими практиками.

Библиографический список

1. Флиер А. Я. О новой культурной политике России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 14–25.
2. Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 3. С. 50–58.
3. Арнольдов А. И. Культурная политика: реалии и тенденция. М.: МГУКИ, 2002. 64 с.
4. Богатырева Т. Г. Современная культура и общественное развитие. М.: Изд-во РАГС, 2001. 170 с.
5. Байдаков М. Ю., Белкин С. Н. Культура как государственный проект // *Развитие и экономика*. 2014. № 10. С. 4–13.
6. Карпухин О. И. Культурная политика России: цели и способы реализации // *Социально-политический журнал*. 1996. № 1. С. 44–86.
7. Куда идет российская культура? (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 2010. № 9. С. 3–59.
8. Востряков Л. Е. Модели культурной политики (кросскультурный анализ) // *Общество и экономика*. 2004. № 1. С. 139–178.
9. Культурная политика России: история и современность. Два взгляда на одну проблему / отв. ред. К. Э. Разлогов, И. А. Бутенко. М.: Либерия, 1998. 296 с.
10. Каменец А. В. Концептуальные основы культурной политики. М.: МГУКИ, 2005. 190 с.
11. Lewis J., and T. Miller, eds. *Critical Cultural Policy Studies: A Reader* / J. Lewis, T. Miller. Oxford: Blackwell, 2003. 376 p.
12. Miller T., Yudice G. *Cultural Policy*. London: Sage, 2002. 256 p.
13. Foucault M. On governmentality // *Ideology and Consciousness*. 1979. Vol. 6. P. 5–22.
14. Burchell G. *The Foucault Effect* / Ed. C. Gordon, P. Miller. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 307 p.
15. Тульчинский Г. Л. Российская культура: почему она такая и что с нею делать // *Философские науки*. 2010. № 3. С. 70–81.

16. Bennett T. Culture and governmentality // *Foucault, Cultural Studies and Governmentality* / Ed. J. Z. Bratich, J. Packer, C. McCarthy. Albany: State University of New York Press, 2003. P. 47–63.

17. Богатырева Т. Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России. М.: ТЕИИ, 2002. 179 с.

18. Тульчинский Г. Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии её формирования // *Философские науки*. 2011. № 7. С. 23–28.

19. Бызов Л. Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // *Мир России*. 2002. № 1. С. 117–152.

20. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Rise of Nationalism*. London: Verso, 1983. 256 p.

References

1. Flier Ay. A. O novoj kul'turnoj politike Rossii [On the new cultural policy of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1994, no 5, pp. 14–25. (In Russ).

2. Astaf'eva O. N. Kul'turnaya politika gosudarstva: voprosy o real'no sushchestvuyushchem i potencial'no vozmozhnom [The cultural policy of the state: questions about the real and potential]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2008, no 3, pp. 50–58. (In Russ).

3. Arnol'dov A. I. *Kul'turnaya politika: realii i tendenciya* [Cultural Policy: Realities and Trends]. Moscow, MGUKI Publ, 2002, 64 p. (In Russ).

4. Bogatyreva T. G. *Sovremennaya kul'tura i obshchestvennoe razvitie* [Modern culture and social development]. Moscow, RAGS Publ, 2001, 170 p. (In Russ).

5. Bajdakov M. Yu., Belkin S. N. Kul'tura kak gosudarstvennyj proekt [Culture as a state project]. *Razvitie i ekonomika*, 2014, no 10, pp. 4–13. (In Russ).

6. Karpuhin O. I. Kul'turnaya politika Rossii: celi i sposoby realizacii [Cultural policy of Russia: goals and methods of implementation]. *Social'no-politicheskij zhurnal*, 1996, no 1, pp. 44–86. (In Russ).

7. Kuda idet rossijskaya kul'tura? (materialy «kruglogo stola») [Where is Russian culture going? (materials of the “round table”)]. *Voprosy filosofii*, 2010, no 9, pp. 3–59. (In Russ).

8. Vostryakov L. E. Modeli kul'turnoj politiki (krosskul'turnyj analiz) [Cultural Policy Models (Cross-Cultural Analysis)]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2004, no 1, pp. 139–178. (In Russ).

9. *Kul'turnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'. Dva vzglyada na odnu problemu* [The cultural policy of Russia: history and modernity. Two glances at one problem] / otv. red. K.E. Razlogov, I.A. Butenko. Moscow, Liberiya Publ, 1998, 296 p. (In Russ).

10. Kamenec A. V. *Konceptual'nye osnovy kul'turnoj politiki* [Conceptual bases of cultural policy]. Moscow, MGUKI Publ, 2005, 190 p. (In Russ).

11. Lewis J., and T. Miller, eds. *Critical Cultural Policy Studies: A Reader* / J. Lewis, T. Miller. Oxford, Blackwell, 2003. 376 p.
12. Miller T., Yudice G. *Cultural Policy*. London, Sage, 2002. 256 p.
13. Foucault M. On governmentality. *Ideology and Consciousness*, 1979, vol. 6, pp. 5–22.
14. Burchell G. *The Foucault Effect* / Ed. C. Gordon, P. Miller. Chicago, University of Chicago Press, 1991, 307 p.
15. Tul'chinskij G. L. Rossijskaya kul'tura: pochemu ona takaya i chto s neyu delat' [Russian culture: why is it so and what to do with it]. *Filosofskie nauki*, 2010, no 3, pp. 70–81. (In Russ).
16. Bennett T. Culture and governmentality. *Foucault, Cultural Studies and Governmentality* / Ed. J. Z. Bratich, J. Packer, C. McCarthy. Albany, State University of New York Press, 2003, pp. 47–63.
17. Bogatyreva T. G. *Globalizaciya i imperativy kul'turnoj politiki sovremennoj Rossii* [Globalization and the imperatives of the cultural policy of modern Russia]. Moscow, TEIN Publ, 2002, 179 p. (In Russ).
18. Tul'chinskij G. L. Nacional'naya identichnost' i social'no-kul'turnye tekhnologii eyo formirovaniya [National identity and socio-cultural technologies of its formation]. *Filosofskie nauki*, 2011, no 7, pp. 23–28. (In Russ).
19. Byzov L. G. Sociokul'turnaya transformaciya rossijskogo obshchestva i formirovanie neokonservativnoj identichnosti [Sociocultural transformation of Russian society and the formation of a neoconservative identity]. *Mir Rossii*, 2002, no 1, pp. 117–152. (In Russ).
20. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Rise of Nationalism*. London, Verso, 1983. 256 p.